

Офис. Девушка сидит за столом. Её закадровый голос.

Если гуглить слово «афера» вместе с каким-либо годом от Рождества Христова, то обязательно найдётся фильм, содержащий слово «афера» в названии(или намекающий на него) указанного года.

Мой топ мошеннических схем — это позвонить на чужой номер и представиться ребёнком, пытающимся дозвониться до мамы, украсть игрушку из детского сада, не вернуть книгу в библиотеку. Последнее, надо признаться, просто чудовищно, но что делать — я быстро привязываюсь к вещам и не могу же я отдать книгу, не дочитав. Я люблю читать, но только тогда, когда мне некогда.

Некогда, по-моему, это то же самое, что никогда или когда, только щеголеватее.

Ты говоришь: «Извини, я совсем не могу пойти с тобой собирать грибы в лес, мне некогда». Здесь «некогда» значит никогда. Обычно, после любой не устраивающей меня просьбы я говорю, что в это время у меня курсы ритуального агента. Контакты с людьми в таких случаях обрываются, даже, когда они узнают, что я не хожу на эти курсы. Когда ты говоришь: «Я хочу отдохнуть, работать некогда», значит в последний день перед сдачей работы наступит «когда». Страшно, когда ты работаешь в похоронном бюро и не успеваешь выполнить свои обязанности.

К сожалению, я лишена радостей социального взаимодействия с большим коллективом коллег. Я намеренно осталась в небольшом номинально городе, фактически деревне: здесь люди подвержены предрассудкам. Мало, кто хочет работать в нашем бюро. Однако, каждый из них мог бы открыть своё.

Каждая семья, проживающая в нашей деревне имела свои традиции отпевания. Я долгое время не могла решить: песни помогают им пережить травмирующее событие или наоборот повергают их в большую тоску. Похоже на сомнительную групповую психотерапию. Не один раз замечала, как хорошо поющую женщину звали на похороны, к которым она отношения не имела. И это я еще не говорю про наемных плакальщиц. Сейчас мне кажется, что влияние этих песен на человека зависит от степени извращенности его сознания, но в большинстве своём, они навевают тревогу, человек закрывается, и песни помогают почувствовать себя опустошенным быстрее. После состояния, в котором ты не чувствуешь ничего, гораздо приятнее чувствовать уныние. И так по кругу.

А тем, кому все равно на трагедию, песни напоминают, что те должны были чувствовать страх, хотя бы от них.

В более крупных городах такого не происходит. Однажды, когда мне было 12 лет я была на похоронах. Это была наша очень близкая знакомая. Я ее практически не знала. Помнила, что, кажется, мы связаны родственными связями. Для ребёнка я была довольно толстокожа, возможно мне передалось это по наследству. Я чувствовала непреодолимую тягу к веселью. Моя семья стояла немного особняком от остальных родственников, друзей и близких. Мои взрослые в какой-то момент начали шутить. Конечно, я боялась обидеть людей, потерявших важную часть их жизни. Я сказала им, что так делать не следует, но засмеялась.

В совсем больших городах, в моем представлении, люди должны звать выступать известных певцов или комедиантов... Уныние, смех и равнодушие — самые базовые эмоции, они быстрее всех берут контроль над человеком

— Я поймал таракана, — это зашёл могильщик Толя.

— Руками? — Я подумала будет важным уточнить.

— Да.

— Как ощущения?

— Вкусно.

— Блин, я хотела это первым вопросом спросить, но подумала будет как-то неэтично.

Он равнодушно повёл бровями, так же равнодушно, как и все, что делалось в нашем бюро. Хотя, конечно, я думала, что в этом мы с Толей преуспевали больше других, в силу молодого возраста и городского происхождения.

— ты когда-нибудь был на похоронах до этого?

— тараканьих?

— Ну, например

Каждое утро в нашем заведении начиналось одинаково, с ироничного диалога, которым мы несознательно, но проверяли психологическое состояние друг друга. Оно было стабильным, можно было заключать договор, на подобие тех, что в шутку заключают друзья: если мы оба не женимся до 35 лет, значит женимся друг на друге. В нашем случае это было бы: если ты не найдёшь другого могильщика или агента до дня кончины своей, я займусь тобой. Однако же мы не собирались здесь работать всегда. Наверно, поэтому и состояние наше было стабильным, его питала надежда и наличие возможности что-либо менять в своей жизни. Хотя нельзя сказать, что мы испытывали дискомфорт. Хотя нельзя сказать, что бы мы что-то меняли. Наоборот, мы привыкли, и ко всему, что было в нашей жизни относились философски.

"Время час — пора молиться" - к нам зашел хозяин бюро. Весь коллектив был в сборе.

Второй эмоцией после равнодушия был смех. Вполне ожидаемая защитная реакция, правда, иногда она мешала работе. К счастью, Толя во время исполнения своих обязанностей ей не предавался. В отличие от меня.

— Батюшка просил передать, что всю неделю он будет в Харлушах.

- Гастрольный тур у человека,— ляпнула я и мгновенно улыбнулась той неловко наглой улыбкой, которой человек улыбается, чувствуя ее неуместность.

Толя прыснул.

Иногда мне кажется, что директору не сильно нравится наше поведение, но как будто, для нашего рода деятельности лучшего не придумали. Человек красит место.

Я зашла в помещение для персонала на радостях споткнулась и упала, ударив себя пяткой. Пришлось прилечь на пол, и потирать ушибленное место.

Какая красивая здесь лампа. И что это действительно то, чем я буду заниматься? Почему я осталась здесь? Мне страшно. Наверняка, как и директору. Он занимается этим, потому что не знает получится ли что-то другое. Я занимаюсь этим, потому что нахожу неестественным слишком быстрый процесс формирования личности. Его держит полученный в наследство бизнес. Он не опускался на дно, поэтому и не мог от него оттолкнуться. Как и я. Как и Толя. Нас всех объединяет страх, но вовсе не смерти, а жизни. Почему я не готовлюсь к перепоступлению? Как давно я не рисовала? А ведь мне это нравится. Да, прикольно быть не от мира сего. Будто бы даже стабильно, но стабильность— это стагнация, а стагнация... Лежу и думаю, что все непременно решится само. Чувствую и ничего не делаю, и при этом хочется нравиться. Причём тем, кто мне не нравится. Я же знаю, что не крашу это место. Черт, лежу здесь, как Андрей Болконский после Аустерлица.

Рассказчица выходит на задний двор. Так же закадровый голос

Погода была приятная. Рядом с кладбищем, на котором и основали бюро, основали парк. Мне показалось нужным позвать Толю. Мы пошли в парк. Общая серость меня радовала, хотя как это бывает после забавного эпизода жизни, чувствуется острая необходимость грусти, будто бы ты должен ее испытать. Я надеюсь, что это не совесть.

Герои вышли на пешеходную дорожку в парке.

— Смотри, гусеница,— заметил Толя.

— Наверно, не стоит ловить ее руками.

Наше общение было дорого тем, что каким-то образом наше настроение синхронизировалось.

Мне тяжело далась ирония, Толя тоже не улыбнулся, и этим было выражено понимание.

Мимо проходили люди, и это была суббота. Мы наклонились посмотреть гусеницу. Было что-то завораживающее и страшное в ее движениях. Хотелось сказать: «Фу» и отвернуться, но для этого потребовалась бы сила воли, которую тогда я добровольно решила принести в жертву.

— Если бы мог отправиться в Изумрудный Город за, чем угодно, что бы это было?

Толя задумался, тем самым оторвав взгляд от гусеницы, - Целостность характера, — ответил он.

— Хороший выбор.

— А ты?

— Возможность шутить, находясь в апатичном состоянии.

— Я бы тогда просто бы попросил возможность шутить, когда угодно.

Мимо прошла пара ботинок, очень близко к гусенице.

— Надо встать вот так, — я закрыла насекомое от прохожих, — и передвигаться вместе с ней, чтобы её не затоптали.

Мы так и сделали. Почему? Потому, что человек совершает поступки, отвечающие общепризнанной морали, не потому, что он беспокоится о ком-то, а потому, что он интеллигент, а мы всё-таки считали себя таковыми. Так я размышляла. Возможно, встретив гусеницу в другой солнечные день, я сразу бы почувствовала дружескую связь с ней, и мне было бы приятно перевести гусеницу через дорогу, потому что было бы обидно увидеть, как её раздавят. Но я была не в настроении заниматься самообманом, поэтому мне не хотелось увидеть, как ее раздавят, потому, что в этом была бы моя вина, пришлось бы взять ответственность, а я всё-таки интеллигент, я не люблю ответственность.

Наша приятельница (я сдаюсь, после проделанной дороги, я не могла не назвать ее приятельницей, помощь людям, как известно из психологии, привязывает тебя к ним, а я и не старалась с ней спорить, даже если это помощь не людям, а может быть даже — тем более) благополучно пересекла дорожку поперёк и ушла в траву. Было приятное чувство облегчения. — Миссия на день выполнена, — сказал Толя, — возможно, в этом и состояла настоящая причина нашего прихода сюда.

Я посмотрела на товарища (а он всё-таки был товарищем, как бы там не было) и по-доброму усмехнулась, выражая согласие, — эффект семибабочки.

Обратно мы пошли другой, более длинной дорогой.

Проходя мимо пары среднего возраста, мы услышали:

— Хорошая новость: в московском зоопарке проснулись сурки.

— Чем она хорошая?

— А чем плохая?

— Сурки проснулись, сейчас жрать начнут — экономику загонят в жопу.

«Находиться рядом с такими людьми интересно, если они шутят или не твои родственники», — подумала я.

— Да-а...- протянул тихо Толя

— Что?

— Хорошо, что я съехал от своих

Я чувство-что-ко-мне-залезли-в-голову Джека.

Показался пруд, начиналось кладбище. Оно почти граничило с лесом, уже были небольшие островки ёлок. Закадровый голос:

Мы увидели Павла Поркофьевича и другого мужчину. Было выдвинуто предположение, что они стоят на объекте обсуждения.

— А говорят деньги на тот свет не возьмёшь, а под ивой все же приятнее, — вспомнил о даре речи Толя. Наш разговор медленно, но верно возвращался к прежней ступени придурковатости.

— По крайней мере, у нас никому не отказывают.

— Повод гордиться, желающих было немало в связи с предыдущими годами.

Мы дошли. Сели на деревянную скамейку у входа.

— Хорошая у нас работа, — вздохнул Толя и сказал.

Дышалось легко. Впереди был виден горизонт.

— Мы сотрудничаем с природой. Не то, что врачи. А главное — она не подвержена кризисам, — ответила я.

— Здравствуйте, — прозвучало над самым ухом.

Я повернула голову и увидела парня.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, — мы встали со скамейки и открыли дверь клиенту.

Интонация была вежливой, ещё немного и я бы начала смол-ток.

Парень был на вид семнадцати лет, немного потерянным, слегка апатичным, но точно не убитым горем — как мы любим.

— У меня дед умер... — сбивчиво начал он, — ничего не надо, батюшки не надо...

Глупая и, наверняка, наглая улыбка появилась на моем лице при упоминании батюшки, я поспешила опустить голову. К счастью, клиент и не смотрел на меня.

— Кремацию можно заказать? — паренек посмотрел на меня.

— Да, конечно, — я сказала это более нейтрально — чувство совести начало ко мне возвращаться, мне это не понравилось, — Скажите ФИО, пожалуйста.

— Тодорский Валерий Маратович, вы его знаете, наверное

Мы его правда знали. Я посмотрела на Толю, его глаза удивленно и испуганно раскрылись, наши чувства вновь совпали. Мы должны спасти деда — закадровый голос Толи и рассказчицы.

— Он гробы делал.

— Да... конечно, — сбивчиво говорила теперь я.

Комната уже без парня.

— Что мы будем делать? — громко и нервно говорила я Толе.

— Не знаю, — так же нервно отвечал он, — я правильно понимаю, что это тот дядя Валера, который сделал себе гроб еще два года назад и выбрал место на кладбище?

— Да, это тот дядя Валера, который до смерти боялся быть сожженным, — слегка желчно напомнила я.

Не знаю, что проснулось в наших душах, но не возникало даже мысли допустить его кремацию.

— Я звоню Александру Максимовичу, — комически твердо произнес Толя.

— Кто это?

— Мой знакомый, он работает в крематории.

Александр в крематории

— Алё? — отозвалось на том конце трубки.

— Алё... то есть здравствуйте, Вам удобно говорить? — спросил Толя, хотя по звукам на фоне мы поняли, что нет.

— В чём дело?

Герои подходят к школе, вокруг много детей. Закадровый голос:

И вот мы уже идем в единственную школу в городе встречаться с пареньком, кто принес нам такую новость. Такую новость, от которой у нас появился шанс стать нормальными людьми и начать испытывать ужасающий ужас перед концом конца. Но мы бы ими не стали, мы смотрели «Маленький Будда» и «Будда: рождение легенды».

— Смотри, — меня дергает за рукав Толя.

Я смотрю и вижу нашего паренька.

— Здравствуйте, Денис — говорю я пареньку и как обычно чувствую всю неестественность обращения на «вы» к человеку почти моего возраста.

— Здравствуйте

— Мы к Вам по одному вопросу... Вы знаете, что думал ваш дед по поводу кремации? — после секундной паузы я решила, что не «тварь дрожащая» и все же рискну перейти сразу к делу.

— Нет... — Денис замешкался, — а почему вы спрашиваете?

«Это ладно, он еще не спросил, что мы тут делаем и почему не позвонили»,— подумала я и сказала:

—Понимаете, мы знаем, что он этого не хотел, — продолжаю я, растеряв всякую уверенность.

—Я бы тоже не хотел умирать,— с намеком на улыбку произнес Денис,—А Вы с ним близко общались?

Тут мы все поняли: это наш человек, вздохнули и улыбнулись.

— Каждую неделю, работали вместе,— ответила я уже, не смущаясь.

— Я просто его почти не знал,— спокойно сказал Денис, но мы почувствовали семейную драму.

— А-а, — протянула я,— извините.

—Да нет, все нормально. Семейная драма,— развел руками парень и добродушно улыбнулся: мол, сами понимаете,— меня мать послала, я сам ничего не знаю. А он это вам сказал?

— Да, он себе гроб и место на кладбище выбрал.

Кладбище. Все три героя.

—Это?— указал на свободное место рукой Денис, как только мы остановились, пройдя половину кладбища.

—Да, — ответил Толя.

Мы помолчали.

— Слушай,— начал он,— я договорился со своим знакомым, он работает в крематории, нам поможет. Мы возьмем гроб с дедом, приезжаем, ваши родственники прощаются, его кладут на платформу, он опускается вниз, там мы его и забираем.

— Какую платформу?— спросил Денис, хотя было понятно, что он хотел спросить не только это.

— Там такая штука... на нее ставится гроб, а потом пол раздвигается, и гроб опускается на этаж ниже.

—Ладно, давайте попробуем.

—Знаешь же, где крематорий?— спросил Толя.

—Нет.

—Я давно уже заметил, что приезжие знают о городе больше местных.

Мы вывели Дениса с кладбища и пошли к себе.

—Хочешь посмотреть, моя знакомая от японца родила?— услышали мы разговор из парка.

—Нет, японцы санкции ввели.

—Ну и что? Не ребенок же их ввёл, к тому же у нее запор на рис даже.

—Какая разница? Вырастет станет японцем.

К счастью, мы уже заходили в бюро и были лишены удовольствия дослушать разговор.

Толя и рассказчица заходят в офис.

— Ну и в 30 лет я планирую пойти учиться на государственное управление. Как думаешь, если я буду учиться в другой стране, это помешает работать в России?— говорил Толя.

— Не знаю, нет, наверное.

— Я вот думаю, можно ли уйти раньше, чем через 6 лет, если я наиграюсь. Вообще, было бы неплохо знать для начала, что я хочу сделать со страной.

— Со страной уже ничего не сделаешь,- тихо ответил Павел Прокофьевич,- люди — бараны.

Когда ничего не ждёшь от человека, а у он показывает умение критически мыслить, пусть пессимистически, ты приятно ошарашен.

Мы помолчали.

—Хорошо, а что вы имеете в виду, когда говорите, что вы русский?— спросила я.

—Ничего не имею. Водка, медведь, балалайка.

—Серьезно? Это же так пошло. Даже никаких ассоциаций с Пушкиным, Гоголем : «Русь, куда ж несешься ты?»?

— Где мы и где Пушкин?— усмехнувшись сказал Толя.

—Ну да,— согласилась я, тоже засмеявшись.

— Знаете, что я скажу?... Грязь, нищета, член на заборе, тупая училка, которая говорит матери, что ребенок тупой и она не может воспитать ребенка, а мать не может потому что работает на трех работах. Узость мышления, алкоголь как способ выжить, закрытие глаз как психическая защита от правды.

Я почувствовала, как мои глаза начали слезиться. Наши улыбки пропали с лиц.

Я все ждала, когда начнется та часть разговора, когда проступит проблема отцов и детей, но она все не начиналась. Многие из нас привыкли воспринимать отцов как что-то далекое от нас, то есть правды. А самое главное, что отцы первые начали.

У Толи тоже начинают наворачиваться слезы.

Неоднозначность политических взглядов, мягкость убеждений, которую мы раньше замечали, как и радикальность взглядов, можно было простить, потому что хоть и шуба взрослого, а душа «человечкина». Меня всегда удивляет существование гуманистов, а он все же был гуманист и поэтому пессимист, в деревнях среди взрослых.

Плакали мы уже не потому, что грустно, а потому, что друг друга поняли, а это бывает редко и потому нежность переполняла нас.

Слышится далекий голос женщины среди темноты.

—Уйди, не плачь. Нюни распустила. Я не могу на тебя смотреть. С тобой невозможно разговаривать...

Комната рассказчицы, она просыпается утром.

—Боже...,— говорит, жмурясь и сильно потирая лицо.

Толя и рассказчица стоят уже в крематории на нижнем этаже, рядом гроб, Толя звонит по телефону.

—Не берет...— устало говорит Толя,— придется самим добираться.

—Вот и помогли... — отзывается героиня.

— На такси нельзя.

—Разумеется, на маршрутке с гробом... Слушай, а если мы...

Герои едут в маршрутке, положил руки деда себе на плечи, будто он пьяный. Надели на него кофту с капюшоном, лица не видно. Съёмка лица героини. Закадровый голос:

Иногда настолько хочешь спать, что когда ложишься не можешь уснуть, голова слишком тяжелая, напряженная. И притом кажется, что если ты уснёшь, душа тоже уснёт, утратит что-то важное. Поэтому ты должен что-то сотворить, подумать, о чем то красиво рациональном.

Голова Валеры падает ей на плечо, она вздрагивает и открывает глаза. Они с Толей устало переглядываются и вздыхают.

Ночь. Герои выносят деда из бюро. Несут с двух сторон— за ноги и за руки.

Подросток, одетый в черное, замечает их и испуганно смотрит. Закадровый голос:

Все эмо дети города, чудом сохранившиеся готы, видимо, только потому, что из деревни медленно уходят тренды, и дединсайды нас боялись и уважали, после того, как один из них увидел нас с Толей, в ночи тащущих дядю Валеру, на кладбище. Я узнала его и хотела крикнуть, что бы он передал Денису, что все получилось (Все таки в деревне забываешь о существовании телефона, быстрее кажется сказать лично), но разглядела выражение его лица и передумала.

—Ты была когда-нибудь эмо?— спросил Толя

—Нет.

—Скучно живешь.

—А ты нет?

—И я.

Герои приносят Валерия к месту на кладбище. Рядом лежит его гроб. Рассказчица светит фонариком Толе, который закрывает крышку и начинает закапывать. Закадровый голос, полусмеясь:

Да...В крутых фильмах про аферы крутые ребята говорят, что им нужен отпуск после их самого крутого дела или что они уходят в отставку. Кажется, и мне пора покинуть филиал живых душ этого городка.